

беседы о мастерстве

ЧАС ТОРЖЕСТВА

Внушительный ныне список экранных работ заслуженной артистки РСФСР Натальи Гундаревой начался некогда с крохотной эпизодической роли в фильме «Москва проездом». И прошли годы, пока, как писали критики, «частил день большого успеха» — на экраны вышел фильм «Сладкая женщина» с Натальей Гундаревой в роли Анны Доброхотовой.

— Это был очень важный, можно сказать, этапный для меня фильм — говорит Гундарева. — Успех — явление вообще поразительно серьезное в актерской судьбе. Не только потому, что он, как принято говорить, «окрыляет». Что такое актерство? Говорят: «творческая работа». Стало быть, я работаю актрисой? А я вот не работаю — каждый раз выхожу на сцену завоевывать зрителя, чтобы он, отчужденный вначале от сцены или экрана, забывал, где обретается, умирает бы вместе со мной и воскресал. Хочу, чтобы было так, и редко знаю, сумела ли? Так вот успех настоящий, а не капризной модой выпестованный, — это критерий, если угодно, актерский момент истины, и впредь ниже его играть, просто «отрабатывать» роль я права не имею. Меня максималисткой называют. Дескать, жить с такой программой трудно — постоянно на пределе. А почему должно быть легко?

— Как, по-вашему, почему на роль Нины в своем «Осеннем марафоне» Георгий Данелия пригласил именно вас?

— Точно такой вопрос задавала Георгию Николаевичу и я, хотя, признаюсь, прочитав прекрасный сценарий Александра Володина, не сомневалась ни минуты — роль моя! Одно временно понимала ясно, что намаюсь до потери пульса — образ Нины требовал иных красок, чем многие из прошлых моих ролей. Данелия, помнитесь, ответил, что, по его мнению, без всяких слов ясно, почему Нину играть мне. И я вполне, знаете ли, удовлетворилась таким «конкретным» ответом.

Намучилась вволю, и со мной намучились, много переснимали. Меня все время тянуло играть в привычной манере — на бурной эмоции, с широким жестом — ну, как, скажем, в фильме «Вас ожидает гражданка Никанорова» или в «Хозяйке гостиницы». А надо было сдержанно, с потаенной болью, которая может быть «громче» бурных рыданий... Вот, кстати, пример довольно болезненной ломки собственной же манеры.

Нина многому меня научила, я полюбила ее, как люблюшь все, что рождается с большим трудом. Я проникла в ее состояние, когда сидит она длинными тоскливыми вечерами одна у телевизора, с застывшим в глазах страхом: а вдруг именно сегодня муж ее Бузыкин, добрый и сеющий кругом одни страдания, объявит, что наконец совсем уходит к другой. И однажды, когда отсняли уже сцену, а я все не могла унять слез о судьбе своей несчастной Нины, Данелия сказал: «Из-за этих слез и должна была именно ты играть Нину». Вот где слух и зрение настоящего художника сказались — Данелия задолго наперед знал, что они будут, эти слезы. А какими точными всегда оказываются самые, кажется, неожиданные советы главного режиссера нашего театра, Андрея Александровича Гончарова, когда мы готовим новый спектакль!..

— Значит, вот что важно

в актерской судьбе: успех и вдумчивый режиссер!

— Нет, наоборот: режиссер, а потом уже успех. Но начало всех начал, конечно, драматургия.

— Какие у вас требования к ней?

— Ну, вам любой актер скажет, что ему интересно играть характер неоднозначный, яркий, достоверный... Для меня очень важно, чтобы в сценарии ли, в пьесе ли боролся, страдал, ошибался, радовался живой человек, настолько живой, что, кажется, полосни по строке — кровь проступит. Человек, а не персонификация какой-то, пусть даже очень верной, авторской идеи. Вам не доводилось наблюдать такие курьезы: идет съемка, и вдруг какой-нибудь актер начинает нервничать, тыча пальцем в сценарий, объясняет, что играть «это» не будет, ибо играть тут нечего, а текст «почеловечески» проговорить невозможно — так суконно написан. Самое печально-забавное здесь иное: случается, появляется сценарист, что-то за полчаса поправляет на листе, и уже все «драматургично», уже «есть что играть». По-моему, это ремесленничество. Ну, не может, воля ваша, хорошая драматургия создаваться за полчаса на съемочной площадке! За настоящей драматургией всегда стоит труд, огромная личная выстраданность писателя. Я чувствую боль Лескова, играя Катерину Измайлову в «Леди Макбет Мценского уезда». Катя вольной родилась, для счастья — а живет едва ли не рабыней в купеческом доме — так я ощущаю ярость лесковскую оттого, что такая ей выпала доля, и заряжаюсь авторской яростью. Я с головой погружаюсь в трагедию Катерины — трагедию цельной души, расколотой муками совести и униженной жизнью, затхлой и жуткой «рабской» действительностью. Мощь драматургии я чувствую, играя Люську в «Беге» Михаила Булгакова. А каким нужно было обладать талантом, чтобы сквозь призму блистательного смеха показать, как это сумел Островский в комедии «Свои люди — сочтемся» (у нас в театре — «Банкрот», я играю Липочку, купеческую дочь), волчий оскал молодой буржуазии, заступающей место полупатриархального русского купечества. Сильный драматург приглашает актера к сотворчеству — стремится стать вровень с большой литературой...

— Но вы все о театре говорили... Чем драматургия кино порадовала вас в недавнее время?

— Об «Осеннем марафоне» я уже говорила. Весьма своеобразный характер довелось воплотить в фильме В. Трегубовича «Уходи — уходи» — по сценарию отличного кинописателя В. Мережко. Героиня моя, одинокая молодая женщина Марина, прожив с законным супругом целых восемь лет, прогнала его «за занудство». Тоскливо одной, но веселее ли с нелюбимым? Не имеет разве она права на мечту о сильном чувстве?

Постижением нового для меня характера была роль Надежды, жены гениального шахматиста Алехина в фильме «Белый снег России», который режиссер Ю. Вышинский снял по сценарию, написанному им вместе с гроссмейстером А. Котовым. Русская дворянка, блестяще образованная женщина, Надежда очень тяжело переживает в эмиграции разлуку с родиной, и едва ли не из-

бавление нелепая смерть в автомобильной катастрофе.

Совершенно иной характер, иную роль — нашей современницы, молодой женщины, у которой аж десять детей, и она этим безмерно счастлива, я с удовольствием сыграла в картине Ю. Егорова по сценарию А. Инина «Однажды, двадцать лет спустя»...

Вообще, кажется, кинороли мои со временем усложняются: если вначале экран предлагал мне характеры больше «распахнутые», — скажем, ту же «сладкую женщину» или гражданку Никанорову, то несколько последних ролей отмечены большим психологизмом.

— Чем вы это объясняете? Какую роль может предложить Наталья Гундарева в своем будущем фильме кинорежиссер «икс», увидев ее, например, в «Осеннем марафоне»?

— Знаете, объяснять и прогнозировать — все-таки дело критики, чем она, к сожалению, не всегда так вдумчиво занимается, как хотелось бы. У нас как-то сложился некий общий «констатирующий» стиль в критике — относительно настоящего, и ли к чему не обязывающие прогнозы «поживем-увидим» — в разговорах о будущем. Я, конечно, не говорю об отдельных поразительно мудрых и тонких выступлениях. Понимаете, маме моей, моим близким нравится все, что я играю. Ну, а кто поможет мне разобраться, что в успехе роли от достоинств моего актерского искусства, а что, скажем, — от узнаваемости воплощенного характера? Как дальше жить, что играть, каких новаций можно от меня ожидать, и где я, сама того не ведая, уже ступила на опасный путь самоповторения? Мучительные, предельно важные для актера вопросы. А то ведь порой что получается: пока много и вроде бы удачно играешь — критика сплошь панегирик; сбой, неудача, без которых немислима наша жизнь, — и все, молчание.

В критике — настоящей, художественной — продление актерской судьбы, продление вообще искусства.

— Как создается образ?

— У меня почти всегда трудно. Только «сладкую женщину» я как-то сразу «увидела»: синтетическая шубка, зеленое кримпленовое платье, парик из нейлона, чуть стоптанные каблукы... А так — всегда миллион сомнений, долгие размышления о роли. Бывает: ты словно вся наэлектризована, в движении весь твой духовный опыт, все прочитанное, пережитое, услышанное — а не складывается образ — и все тут! Так было с Катериной из «Леди Макбет Мценского уезда», откуда не явился образ полета. Я увидела вдруг Катю с широко раскинутыми руками-крыльями — так шла она на все: на горькое свое счастье, на убийства, на каторгу — и отступила роль и проступило лицо человека. Но и счастье пришедший жест, музыкальный ритм, интонация — всего лишь первоначок, все тысячу раз потом уточняется, шлифуется...

— Так значит, лицедейство — все-таки работа!

— Репетиции, процесс лепки образа, — да, работа. Она сродни тому, как — простите за выпренность, — скульптор отсекает от каменного глыбы все лишнее, высвобождая прекрасный образ. А выход актера на люди, будь то сцена или кино — это праздник, а не будни, это час торжества твоего искусства.

Беседу вел Фархад АГАМАЛИЕВ.